

УДК 327.57

Д. А. Ланко

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРИМЕР РОССИЙСКО- ЭСТОНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Раскрываются некоторые результаты исследования, проведенного в рамках международного проекта «На пути к общему прошлому», реализуемого совместно учеными из университетов России, Балтийских и Северных стран. Цель статьи — соотнести категории глобализации и исторической памяти. Благодаря выявленной взаимосвязи между этими двумя категориями получает развитие и научная дискуссия о глобализации, и дискуссия об исторической памяти. Используя дискурсивный анализ для исследования академических дискурсов о глобализации и об исторической памяти, автор приходит к следующим выводам. С одной стороны, историческая память служит аргументом для сторонников глобализации: утверждается, что она имеет длительную историю, а потому является необратимым процессом. С другой стороны, благодаря глобализации международное значение приобретают исторические события, ранее обладавшие исключительно локальным значением. Последний вывод подтверждается на основе сопоставления российского и эстонского дискурсов о взаимосвязи событий сентября 1944 и апреля 2007 г. в Таллине. Демонстрация различий между двумя национальными дискурсами может способствовать пониманию российскими исследователями причин политических решений, принятых эстонским руководством в апреле 2007 г. Это обуславливает практическую значимость исследования, поскольку важнейшая задача науки международных отношений — не объяснить, какое решение руководству той или иной страны было бы правильно принять в данном случае, но помочь понять, почему принято именно такое решение. Автор выражает благодарность своим коллегам из Санкт-Петербургского государственного университета, Балтийского федерального университета им. И. Канта, а также университетов Лунда (Швеция), Тампере (Финляндия) и Тарту (Эстония) за их комментарии к более ранним версиям данной статьи; при этом автор один несет ответственность за выводы, содержащиеся в работе.

Ключевые слова: глобализация, историческая память, историческая политика, российско-эстонские отношения, памятники истории.

Авторы значительного числа научных работ по глобализационной отмечают, что глобализация, несмотря на то что эта категория вошла в научный оборот лишь в 1990-е гг., имела место еще за 100 лет до этого — в конце XIX в. Например, К. Уолц не только указывает, что в тот период для международных отношений были характерны процессы, которые сегодня известны как глобализация, но и утверждает, что глобализация международных отношений начала XX в. была глубже, чем в конце XX в. [21]. В этом заключается один из важнейших аргументов сторонников глобализации среди интеллектуальной элиты: глобализация имеет длительную историю, поэтому ее следует воспринимать как объективно существующий процесс, а значит, бессмысленно ставить вопрос, нужно ли тому либо иному государству принимать участие в процессах глобализации, — необходимо переходить к практической дискуссии о конкретных шагах в данном направлении.

В основе этого логического заключения лежит превратно понимаемый принцип исторического детерминизма: если тот или иной феномен существует на протяжении длительного периода, следовательно, его существование предопределено самим «ходом исторического развития». Данный аргумент широко используется сторонниками консервативного подхода к различным проблемам, хотя в истории консервативной мысли можно найти немало примеров критики и упомянутого аргумента, и принципа исторического детерминизма как такового. Исторический детерминизм неразрывно связан с именем Г. Гегеля. В его работе «Философия истории», во-первых, излагается принцип диалектики применительно к историческому развитию, в соответствии с которым конфликт является движущей силой истории, а во-вторых, высказывается предположение о том, что появление новой политической системы исторически детерминировано конфликтами, которые существуют внутри политической системы, предшествовавшей ей [4].

Позаимствованные у Г. Гегеля идеи об историческом детерминизме легли в основу марксистских представлений об истории. Как было показано выше, они и сегодня сохраняют актуальность, позволяя приверженцам глобализационных теорий с левых позиций формировать целостные представления о современных международных отношениях и месте глобализации в них. Однако с этими представлениями категорически не соглашаются сторонники консервативных представлений о ходе исторического развития. Так, Э. Бёрк рассматривал историческое развитие не как объективное и предопределенное некой внешней силой движение, но предполагал, что оно зависит от особенностей представлений и поведения конкретных людей [17, с. 40]. На этом предположении основывается и то внимание, которое американские историки уделяют в своих работах отдельным историческим личностям. На нем основывается и важнейший тезис консерватизма, который мы находим в риторике российских консерваторов начала XXI в., — тезис о «человеческом факторе».

В самом деле, понятие консерватизма присутствовало в риторике лидеров российской политической партии «Единая Россия» с момента ее

образования в конце 2001 г. В том же году будущий председатель Высшего совета партии Б. В. Грызлов защитил диссертацию, в которой, в частности, были определены предпосылки формирования консервативной составляющей российского политического спектра [6]. В 2002 г., когда Б. В. Грызлов был избран председателем Высшего совета партии, упоминания о консерватизме в контексте идеологической основы «Единой России» стали постоянными. Консервативные цели продолжают активно использоваться и почти десятилетие спустя [5]. Одновременно с появлением в риторике лидеров «Единой России» тезиса о консерватизме ими стал применяться и тезис о «человеческом факторе». Однако значение этого понятия в трактовке российских консерваторов начала XXI в. оказалось иным, чем то, которое вкладывал в него Э. Бёрк.

В самом деле, тезис о «человеческом факторе» в современной России используется главным образом для объяснения тех негативных явлений, которые имеют место в стране, что преследует одновременно две цели. С одной стороны, помогает преодолению безответственности, характерной для российской политики предшествовавшего периода, когда все негативные явления списывали на объективные причины, а если таковых не находилось — то на переходный период в целом. С другой стороны, способствует и легитимации существующего политического режима: создается впечатление, что в стране преобладают положительные явления, а если есть отдельные отрицательные, то их причиной и становится «человеческий фактор». Это несколько расходится с трактовкой понятия «человеческий фактор» в трудах Э. Бёрка, который предполагал, что он обуславливает все явления в истории: как положительные, так и негативные.

Исторический детерминизм неприемлем и для другого консервативного историка — А. де Токвиля. Помимо «человеческого фактора», в его работах значительное место уделяется роли случая в истории. Ниже будет показано, в какой мере представления политических лидеров о роли случая в историческом развитии влияют на их внешнюю политику и как эти представления изменяются от региона к региону. Что же касается исторического детерминизма, то по отношению к нему А. де Токвиль использует понятие «доктрина фатальной неизбежности», которая способна, с его точки зрения, парализовать «активность современного общества» [11, с. 367]. Исторический детерминизм, по мнению де Токвиля, свойственен исключительно историкам «демократических времен»; в качестве примеров здесь он приводит именно американских историков. Действительно, принцип исторического детерминизма мы обнаруживаем в работах американского историка Б. Адамса, увидевших свет на рубеже XIX — XX вв. [14].

Неудивительно, что в ситуации, при которой одновременно существуют как минимум два подхода к истории — исторический детерминизм и так называемый консервативный подход, теоретики исторического знания начинают задаваться вопросами о функциях истории. Одним из первых эту проблему затронул Ф. Ницше в одной из своих ран-

них работ [9], в полной мере отражающей кризис исторического знания, возникший в Европе в середине XIX в. С одной стороны, этот кризис породил вопрос о функции исторического знания, который в иных условиях мог бы и не возникнуть. С другой стороны, данным кризисом вызваны попытки его преодоления путем трансформации истории в науку в соответствии с требованиями позитивистской философии. Собственно, упомянутая работа Ф. Ницше и была написана в контексте критики этих попыток; ведь, по его мнению, сделать историю объективной наукой, как этого требует позитивистская философия, невозможно. Более того, подобные попытки могут принести вред существующему обществу.

Переосмысление рассматриваемой работы Ф. Ницше привело к появлению значительного числа публикаций, в которых содержалась попытка ответить на вопрос о функциях истории; в числе прочих нельзя не назвать книгу «Бытие и время» М. Хайдеггера [13]. В какой-то мере к числу этих публикаций можно отнести и исторические работы Ф. Броделя, где мысль о невозможности объективного постижения истории кладется в основу тезиса о множественности истории: каждая цивилизация создает свою историю, и все эти истории истинные [3]. При этом Ф. Бродель остается в первую очередь преподавателем истории, а не ученым-исследователем и пишет он, соответственно, о той роли, которую выполняет преподавание истории. По его мнению, эта роль может быть как отрицательной, так и положительной: ведь преподавание истории как множества историй, различных для разных цивилизаций, может способствовать диалогу между ними, а преподавание истории в контексте детерминизма, напротив, будет препятствовать ему.

Исторический детерминизм и сегодня продолжает оставаться популярной концепцией — как среди профессиональных историков, пытающихся превратить историю в объективную науку (против чего горячо выступал Ф. Ницше), так и среди тех авторов, которые стремятся использовать историческое знание в целях подтверждения своих теорий, относящихся к проблемному полю других наук, в том числе политической. В качестве примера здесь можно привести концепцию «конца истории» Ф. Фукуямы [12]. В своих теоретических построениях он отталкивается от исторического факта, согласно которому в начале XIX в. в мире было всего несколько демократических государств, а к концу XX в. их число выросло до нескольких десятков. Соответственно, делает вывод Ф. Фукуяма, демократизация является исторически детерминированным процессом; далее он переходит к анализу возможных последствий демократизации.

Р. Кейган, критикуя Ф. Фукуяму, также обращается к историческому детерминизму для обоснования своих представлений. Как и большинство критиков Ф. Фукуямы, Р. Кейган опирается на первую часть его работы, где постулируется, что мировая история представляет собой главным образом историю войн, а с всеобщей демократизацией войны на земле прекратятся. Вторую часть труда Ф. Фукуямы, благодаря которой в заглавие вошло словосочетание «последний человек»,

он игнорирует. Уже в таком построении работы Р. Кейгана можно увидеть признаки исторического детерминизма. В самом деле, ведь демократизация имеет определенную историю, следовательно (как подсказывает принцип исторического детерминизма), у нее есть и будущее. Другое дело, что будущее демократизации не представляется Р. Кейгану таким светлым, каким его видел Ф. Фукуяма в начале 1990-х гг., поскольку автократическая традиция также «имеет долгую и выдающуюся историю» [7, с. 32].

Вероятно, исторический детерминизм продолжает оставаться популярным из-за того воздействия на общество, в соответствии с которым понятия «предсущий» и «внеположенный» приобретают тождественное значение [10, с. 32]. Иначе говоря, благодаря историческому детерминизму люди верят, что если что-то было раньше, то оно будет существовать и впредь, а если чего-то раньше не существовало, то его можно считать (в лучшем случае) не более чем веянием моды, которое исчезнет в краткосрочной перспективе. Что касается политической науки, то явления или процессы мира политического, историю которых возможно проследить, относят к прочно устоявшимся, в то время как те явления и процессы, историю которых проследить не удастся, можно игнорировать. На этой функции исторического знания основывается большинство случаев использования истории в политических интересах, причем в последнее время социологи отмечают возросшую частоту обращений к истории в политической риторике.

Так, А. Астров пытается найти иные, чем русофобия, причины повышенного внимания, которое правительство современной Эстонии уделяет тому, что оно называет наследием тоталитаризма [2]. В самом деле, на протяжении почти трех веков взаимоотношения между Россией и титульной нацией Эстонии отличались крайне противоречивым характером, а советский эстонский период оценивается большинством титульной нации исключительно конфликтогенно, поэтому неудивительно, что среди значительной части эстонских граждан существуют русофобские настроения. Может сложиться мнение, что эти настроения заставляют правительство маленькой европейской страны ссылаться на наследие тоталитаризма на всех доступных ей международных форумах с целью оказать дипломатическое давление на Россию — правопреемницу крупнейшей тоталитарной державы прошлого. Как считает А. Астров, к которому мы присоединяемся, это мнение ошибочно, а причины обращения к истории в риторике политических лидеров Эстонии следует искать — в полном соответствии с высказываниями Ф. Ницше — не в прошлом, но в настоящем. Сегодня же российско-эстонские отношения нельзя назвать дружественными, они скорее тяготеют к иррациональной враждебности.

В связи с этим представляется, что причину такого пристального внимания Эстонии к проблематике тоталитаризма следует искать не на Востоке — в России, а на Западе. Действительно, после распада Советского Союза целью внешней политики Эстонии стало признание ее Западом в качестве своей части. И эта цель была реализована: ценой

серьезных по меркам меленькой страны с небольшим бюджетом издержек и активной антироссийской компании, которая велась в расчете на «внешнего слушателя», Эстония добилась вступления в НАТО и Европейский союз — важнейшие сообщества стран Запада. Однако в этот период возникли некоторые опасения того, что единый Запад исчезает, на его месте появляются конфликтующие между собой Европа и Америка. Соответственно и перед Эстонией встает непростой выбор — с какой частью Запада остаться? В кругах политической элиты звучит тезис о том, что объединить Запад помогло бы углубление представлений об общем враге, ведь в эпоху «холодной войны», когда Запад противостоял тоталитаризму, он был единым. Отсюда и стремление эстонского правительства поднимать вопрос об осуждении тоталитаризма на всех международных форумах, акцентируя внимание на его «восточных» проявлениях; при этом эстонские лидеры исходят из предположения о том, что упоминания о тоталитаризме «западном», к примеру фашизме, будут способствовать дезинтеграции большого Запада.

Вдали от Эстонии, в Австралии, мы обнаруживаем другой пример опоры политического лидера на политику памяти [18]. Речь идет о политике Дж. Говарда, занимавшего в 1996 — 2007 гг. пост премьер-министра Австралии, на период правления которого пришлось начало «глобальной войны против террора», объявленное президентом США Дж. У. Бушем после террористических актов 11 сентября 2001 г. Перед Австралией тогда встал нелегкий выбор. С одной стороны, она была последовательным союзником США на протяжении всех лет «холодной войны», с другой — присоединение к коалиции во главе с Соединенными Штатами Америки ставило Австралию под удар террористов, как это и случилось несколькими годами позже, когда австралийские граждане погибли в результате террористического акта на острове Бали. Премьер-министр Дж. Говард сделал выбор в пользу участия в коалиции, а для легитимации этого решения среди своих избирателей опирался на политику памяти.

Для политиков исторический детерминизм служит инструментом легитимации их решений. Объясняя какое-либо свое решение, политические лидеры формируют в общественном мнении представление о том, что оно было принято не просто по желанию конкретного лидера, но предопределялось самой историей. Примеры использования этого принципа мы находим и вне процесса принятия государственных решений. Так, к аргументу, основанному на историческом детерминизме, часто прибегают лидеры радикальных националистических движений. В то же время среди ученых продолжается дискуссия о происхождении национализма. Сторонники так называемого примордиального подхода указывают на то, что нации формируются на основе объективных факторов, существующих испокон веков, таких, как общая территория, раса, религия, язык, традиции и обычаи, экономический уклад жизни и т. п. [19]. Им возражают сторонники так называемого модернистского подхода [1]. С их точки зрения, европейские нации сформировались в XVIII — XIX вв. благодаря научно-технической революции, урбаниза-

ции и модернизации, а в последующие годы национализм вместе с той же модернизацией распространился по всему миру.

Радикальные националисты отрицают сам факт существования модернистской теории. Для них нации возникли задолго до начала модернизации в Европе и в разное время; и более высоким статусом обладает та нация, которая сформировалась раньше. Поэтому радикальные националисты используют историческое знание для того, чтобы доказать факт существования своей нации задолго до того, как на прилегающих землях появились нации-соседи, и подчеркнуть свое национальное превосходство перед ними. К этому приему прибегают радикальные националисты разных стран, из-за чего начинается своеобразная «война историй», в ходе которой представители различных наций пытаются любыми способами доказать древность своего происхождения.

Пример использования принципа исторического детерминизма предоставляет и теория демократии. Рост числа демократических государств на планете привел к тому, что в настоящее время демократиями провозглашают себя практически все государства мира (кроме абсолютных монархий Ближнего Востока), в том числе Северная Корея, официально носящая название «народно-демократической республики». В результате возникла необходимость создания классификации демократических режимов, и одним из ее способов стало деление их на «старые» и «молодые» демократии. Считается, что в «старых» демократических режимах демократии ничто не угрожает, в то время как в «молодых» демократия неустойчива и требует защиты или хотя бы присутствия иностранных наблюдателей. Некоторые исследователи даже называют точную дату, когда угроза «молодым» демократиям становится максимальной — это дата вторых парламентских выборов после принятия демократической конституции [15].

Принцип исторического детерминизма не учла американская администрация в период уже упоминавшегося кризиса Запада, который пришелся на середину первого десятилетия XXI в. Тогда часть европейских стран выступила против политики США в мире в целом и на Ближнем Востоке в частности, в то время как другие европейские государства поддержали Соединенные Штаты. Эту поддержку в первую очередь оказали страны Центральной Европы и Балтии. В отношении этих стран бывший министр обороны США Д. Рамсфелд использовал метафору «новая Европа», имея в виду, что новая — значит прогрессивная [16]. Соответственно, те, кто были против американской политики, объявлены «старой Европой», что подразумевает их неспособность к дальнейшему развитию. Как представляется, здесь Д. Рамсфелд проигнорировал принцип исторического детерминизма, согласно которому «старое» представляется более привлекательным, чем «новое». Риторический прием не принес ожидаемых результатов: «старая» Европа не захотела становиться «новой».

Говоря о сфере международных отношений, нельзя не вспомнить дискуссию, которая ведется среди ученых-международников относи-

тельно перспектив Вестфальской системы международных отношений. Одни исследователи утверждают, что на смену ей в скором будущем придет новая система международных отношений; другие полагают, что альтернативы государствам в современном мире нет, а потому Вестфальская система сохранится на протяжении еще долгих лет. Любопытно, что предрекающие Вестфальской системе скорый распад часто указывают на то, что в 1648 г., от которого официально отсчитывается история этой системы, был сформирован лишь принцип, а международные отношения в Европе начали ему соответствовать не раньше XX в. В свою очередь сторонники Вестфальской системы утверждают, что она начала формироваться в 1648 г., однако отдельные ее элементы появились еще раньше, уже в годы Столетней войны [20].

Аналогичным образом история глобализации дает ее сторонникам дополнительный аргумент в спорах с критиками этого процесса: они утверждают, что поскольку глобализация имеет длительную историю и ее существование предопределено «самим ходом исторического развития», то критика данного явления бесперспективна. В этом, как представляется, заключается влияние исторического знания на дискуссию о глобализации. Одновременно глобализация сказывается и на историческом знании. Благодаря глобализации международная общественность узнает об исторических событиях, которые прежде были значимыми только для отдельных народов или даже локальных сообществ. Более того, трактовка этих событий становится предметом международных конфликтов, благодаря чему «конец истории», предсказанный Ф. Фукуямой, не состоялся, но вопросы истории все чаще поднимаются в международных отношениях.

Ярким примером здесь может служить внутриэстонский конфликт, быстро ставший и российско-эстонским дипломатическим сражением, кульминация которого пришлась на апрель 2007 г. Напомним, что тогда правительство Эстонской Республики во главе с премьер-министром А. Ансипом приняло решение выполнить одно из своих предвыборных обещаний, данных накануне прошедших парламентских выборов, и перенести из центра эстонской столицы Таллина памятник советским воинам-освободителям. Среди русскоязычной общественности Эстонии этот памятник известен как «бронзовый солдат», этнические эстонцы называют его просто «бронзовый человек». Перенос памятника и то, как это было сделано, спровоцировали массовые беспорядки со стороны русскоязычного населения. Автор данной статьи уже высказывал свои аргументы относительно причин того, что русскоязычная молодежь Эстонии избрала именно такую форму политического протеста [8]; здесь же хотелось бы подробнее рассмотреть аргументы эстонского правительства, поскольку они, как представляется, способны проиллюстрировать влияние глобализации на историческое знание, о котором говорилось выше.

За годы, прошедшие после массовых беспорядков в Таллине в апреле 2007 г., были названы многочисленные причины того, почему перенос памятника состоялся в принципе, а также это было сделано именно

тогда. Указывалось на многочисленные коррупционные скандалы в эстонском правительстве, имевшие место в 2003 — 2005 гг.; делались предположения о том, что дорогой земельный участок в центре Таллина, который занимал памятник, «приглянулся» одной из эстонских компаний. Прошедшие годы доказали несостоятельность данной версии, так как после переноса памятника на этом месте так и не было ничего построено. Говорилось о прошлом самого премьер-министра А. Ансипа, который после отставки бывшего эстонского президента А. Рюйтеля остался единственным бывшим коммунистом на высших должностях в стране и был вынужден таким образом доказывать свой «разрыв с коммунистическим прошлым» и лояльность Эстонской Республике.

Любопытную версию о причинах этих событий предложил А. Астров, о чем уже говорилось выше. Еще одну версию представляется возможным сформулировать на основе сопоставления исторических событий, значимых для российской общественности и общественности современной Эстонии, этнических эстонцев и русскоязычного населения. Оно показывает, что, называя «бронзового солдата» памятником истории, общественность двух стран имеет в виду разные события, память о которых он для них символизирует. Для российской общественности принципиальное значение имеют две исторические даты периода Второй мировой войны: 22 июня 1941 г., когда нацистская Германия напала на Советский Союз, и 9 мая 1945 г., когда она была разгромлена. «Бронзовый солдат» в представлениях российской общественности символизирует вторую из этих дат — 9 мая — день Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. И в представлениях российской общественности перенос «бронзового солдата» из центра Таллина символизировал неуважение этнических эстонцев к этой дате.

При этом недостаточное внимание было уделено тому факту, что для каждого локального сообщества существуют и «свои» исторические даты, символизовать которые призваны те или иные объекты материальной культуры, в том числе исторические памятники. Применительно к «бронзовому солдату» для эстонцев такой исторической датой является 22 сентября 1944 г. — день освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков. Ежегодно многочисленные представители русскоязычного населения эстонской столицы приходили к «бронзовому солдату» и возлагали цветы не только 9 мая, но и 22 сентября. И именно демонстрации 22 сентября, а не традиционные демонстрации русскоязычного населения возле «бронзового солдата» 9 мая стали причиной недовольства этнических эстонцев, в ответ на которое правительство страны приняло решение о переносе памятника.

День 22 сентября 1944 г. принес эстонцам не только освобождение от фашистской диктатуры, но и стал началом более чем сорокалетнего периода безуспешных попыток строительства коммунизма. По мнению эстонцев, фашистская оккупация сменилась оккупацией советской. Подчеркиваю: речь идет не о позиции автора статьи, а мнении большинства эстонских граждан титульной национальности. Это несовпа-

дение представлений об исторических датах, которое призван символизировать памятник и акт его переноса, и легло в основу конфликта между российской общественностью и русскоязычным сообществом Эстонии, с одной стороны, и этническими эстонцами — с другой. Российская общественность и русскоязычное сообщество Эстонии рассматривают перенос памятника как демонстрацию неуважения к важной для них исторической дате — 9 мая 1945 г.

В свою очередь этнические эстонцы, многие из которых сами чтут 9 мая как день освобождения Европы от фашизма, считают перенос памятника «забвением» другой исторической даты — 22 сентября.

В условиях, когда этнические эстонцы оказались неспособными донести до эстонского русскоязычного сообщества и до российской общественности важность для них именно этой даты, конфликт оказался неизбежным. Таким образом, новая историческая дата — 22 сентября 1944 г., которая ранее обладала значимостью лишь на локальном уровне (для жителей Таллина), — положила начало международному конфликту и приобрела значимость международного уровня.

Эстонские события — еще один яркий пример того, как в эпоху глобализации значимость на глобальном уровне приобретают исторические события, ранее имевшие исключительно местное значение, и как историческая память об этих событиях становится источником международных конфликтов.

С нашей точки зрения, перенос памятника и могилы советских солдат мог быть вынесен на общественное обсуждение, по результатам которого — с необходимыми воинскими почестями и соблюдением международно-правовых формальностей — можно было произвести известные действия. Это был бы компромисс между двумя моделями исторической памяти, и конфликт не приобрел бы такой масштаб.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. *Астров А.* Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et Contra*. 2009. №3 — 4 (46). С. 109 — 124.
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций. М., 2008.
4. *Гегель Г. В. Ф.* Философия истории. М., 1993.
5. *Гончаров В. Э.* Идеологический брендинг «Единой России» // *ПОЛИТЭКС = Политическая экспертиза*. 2010. №1. С. 68 — 82.
6. *Грызлов Б. В.* Политические партии и российские трансформации: теория и политическая практика: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2001.
7. *Кейган Р.* Конец иллюзиям: история возвращается // *Pro et Contra*. 2007. №6 (39). С. 20 — 40.
8. *Ланко Д. А.* Популизм и политическое участие: уличные беспорядки в странах Балтийского региона в 2007—2009 гг. // *ПОЛИТЭКС = Политическая экспертиза*. 2009. №2. С. 209 — 230.
9. *Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. М., 2008.
10. *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Социология знания о прошлом. М., 2005.

11. *Токвиль де А.* Демократия в Америке. Кн. 2. М., 2000.
12. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. М., 2004.
13. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.
14. *Adams B.* The New Empire. London, 1902.
15. *Bernhard M., Reenock C., Nordstrom T.* Economic Performance and Survival in New Democracies: Is There a Honeymoon Effect? // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36, N 4 (May). P. 404 — 431.
16. *Cornwell R.* Rumsfeld 'Mends Fences' by Lumping Germany with Cuba and Lybia in an Axis of Bad Boys // The Independent. 2003. February 8.
17. *Kirk R.* The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington, 1985.
18. *McDonald M.* "Lest We Forget": The Politics of Memory and Australian Military Intervention // International Political Sociology. 2010. Vol. 4, N 3 (September). P. 287 — 302.
19. *Needham R.* Primordial Characters. Charlottesville, 1978.
20. *Ouellet J.* Authority, Trade and Ideas: Using Systems Theory to Understand Borders and Identity // Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship / ed. by K. Khudoley, D. Lanko. St. Petersburg, 2004. P. 16 — 37.
21. *Waltz K.* Globalization and Governance: James Madison Lecture // Political Science and Politics. 1999. Vol. 32, N 4 (December). P. 693 — 700.

Об авторе

Ланко Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, доцент кафедры европейских исследований факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: dimppa@hotmail.com

D. A. Lanko

HISTORICAL MEMORY IN THE AGE OF GLOBALISATION: THE CASE OF RUSSIAN-ESTONIAN RELATIONS

This article is a contribution to the discussion within the "Towards the Common Past" international academic network bringing together scholars from Russia, the Baltic States and the Nordic countries. It assesses the relationship between globalization and historical memory, thus contributing the discussion on globalization and the roles and applications of history. On the basis of analysis of academic discourses on globalization and historical memory, the author arrives at two conclusions. On one hand, the proponents of globalization use historical memory as one of their arguments: they claim that the history of globalization in international relations stretches back to the 19th century, thus globalization is an irreversible process. On the other hand, globalisation attaches international significance to historical events that earlier were considered of local importance. The author proves the latter statement through comparing Russian and Estonian discourses on the relationship between events, which took place in Tallinn in September 1944 and April 2007. Highlighting the differences between the two discourses may help Russian scholars understand the reasons behind the political decisions made by Estonian authorities in April 2007. It accounts for the practical significance of the research conducted, since one of the most important objectives of international relations as a discipline is not to explain what decision would have been the most appropriate in the given situation, but to further the understanding reasons behind the actually made decision. The author expresses his gratitude to the colleagues from St. Petersburg State

University and the Immanuel Kant Baltic Federal University, as well as those from the Universities of Lund (Sweden), Tampere (Finland), and Tartu (Estonia) for their comments on earlier versions of this article. At the same time, the author alone bares all responsibility for the conclusions made in the article.

Key words: globalization, history, politics of memory, Russian-Estonian relations, historical monuments.

References

1. *Anderson, B.*, 2001. Voobrazhaemye soobwestva: razmyshlenija ob istokah i rasprostranении nacionalizma. M.: Kanon-Press-C.
2. *Astrov, A.*, 2009. Pro et Contra, 2009, №3 — 4 (46), pp. 109 — 124.
3. *Brodel, F.*, 2008. Grammatika civilizacij. M.: Ves mir.
4. *Gegel, G. V. F.*, 1993. Filosofija istorii. M.: Nauka.
5. *Goncharov, V. Je.*, 2010. POLITJeKS = Politicheskaja jekspertiza, №1, pp. 68 — 82.
6. *Gryzlov, B. V.*, 2001. Politicheskie partii i rossijskie transformacii: teorija i politicheskaja praktika. SPb.
7. *Kejgan, R.*, 2007. Pro et Contra, №6 (39), pp. 20 — 40.
8. *Lanko, D. A.*, 2009. POLITJeKS = Politicheskaja jekspertiza, №2, S. 209 — 230.
9. *Nicshe, F.*, 2008. O Pol'ze i vrede istorii dlja zhizni. Sumerki kumirov, ili Kak filosofstvovat' molotom. M.: AST.
10. *Saveleva, I. M., Poletaev, A. V.*, 2005. Sociologija znanija o proshlom. M. Vysshaja shkola jekonomiki.
11. *Tokvil de, A.*, 2000. Demokratija v Amerike. Kniga 2. M.: Ves' mir.
12. *Fukujama, F.*, 2004. Konec istorii i poslednij chelovek. M.: AST.
13. *Hajdegger, M.*, 1997. Bytie i vremja. M.: Ad Marginem.
14. *Adams, B.*, 1902. The New Empire. London: Macmillan.
15. *Bernhard, M., Reenock, C., Nordstrom, T.*, 2003. Comparative Political Studies, Vol. 36, No. 4 (May), P. 404 — 431.
16. *Cornwell, R.*, 2003. The Independent, February 8.
17. *Kirk, R.*, 1985. The Conservative Mind: from Burke to Eliot. Washington: Regnery.
18. *McDonald, M.*, 2010. International Political Sociology, Vol. 4, No. 3 (September), P. 287 — 302.
19. *Needham, R.*, 1978. Primordial Characters. Charlottesville: University Press of Virginia.
20. *Ouellet, J.*, 2004. Authority, Trade and Ideas: Using Systems Theory to Understand Borders and Identity. In: K. Khudoley, D. Lanko, eds. 2004. Borders, Identities and Nationalism: Understanding the Relationship. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, P. 16 — 37.
21. *Waltz, K.*, 1999. Political Science and Politics. Vol. 32, No. 4 (December), P. 693 — 700.

About author

Dr Dmitry A. Lanko, Associate Professor, Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University.

E-mail: dimppa@hotmail.com